

Воодушевлённые примером «Аль-Каиды», российские неонацисты говорят, что также организуются в автономные террористические ячейки. Они кричат, что пришло время их священной войны.

Когда Катя Гиренко в ответ на звонок подошла к двери петербургской квартиры, в которой жила её семья, в глазок она увидела двух подростков, сказавших, что они хотели бы увидеться с её отцом Николаем Михайловичем. Когда он, подойдя, через дверь спросил, что им нужно, раздался выстрел. Пуля прошла хлипкую дверь и разворотила Гиренко всю грудь. Умер он почти мгновенно.

На первый взгляд, Гиренко вряд ли мог стать жертвой заказного убийства. Высокий худощавый пожилой (ему было 64 года) этнограф и антрополог был знаменит прежде всего своими исследованиями генеалогии и языка суахили. Однако кроме этого он был настоящим специалистом по ещё одному обитающему в России дикому племени — растущей банде российских неонацистов. Будучи основателем Группы по защите прав национальных меньшинств, Гиренко выступал консультантом в пятнадцати громких процессах, в которых выдвигались обвинения в разжигании межнациональной вражды, включая идущий сейчас суд над шестью членами неонацистской группировки «Шульц-88», обвиняемыми в разбойном нападении.

Главным образом с помощью Гиренко удавалось доказать, что нападения на представителей национальных меньшинств являлись именно разжиганием межнациональной вражды, а не простым хулиганством, за что обвиняемым полагались соответствующие — более серьёзные — сроки заключения. Его застрелили во время подготовки к следующему процессу, также по обвинению в разжигании межнациональной вражды и призывах к насилию, в котором фигурировало отделение партии «Русское национальное единство» из соседнего Новгорода. Полиция говорит, что экспертиза, проведённая Гиренко, позволила им нащупать наиболее вероятные мотивы преступления, но ничего не сообщает о том, против кого будут выдвинуты обвинения. Пока по этому делу никто не арестован.

— Жаль, что этого ублюдка не прикончили раньше, — говорит 22-летний Алексей, один из членов группировки «Шульц-88», которых сейчас судят в Санкт-Петербурге, — он же серьёзно пытался упрятать меня за решётку. — В мае Алексея выпустили после шести месяцев заключения в следственном изоляторе, но обвинение в разбойном нападении с него до сих пор не снято. Какую бы то ни было связь с убийством Гиренко он отрицает.

Крепко сбитый и практически неприкрыто агрессивный, Алексей — один из многих, кого несёт новая волна национализма, проходящая сейчас через всё российское общество. Провал демократических реформ и снижение уровня жизни после распада Советского Союза в 1991 году привели к тому, что латентная ксенофобия русских переросла в более радикальную и быстроразвивающуюся форму — всё больше и больше молодых людей, таких, как Алексей, попадают под влияние неонацистской идеологии и считают, что только так можно вновь обрести утраченную национальную гордость.

— Убийство [Гиренко] стало катастрофой, которой мы долго боялись, — говорит его друг и коллега по Группе по правам национальных меньшинств Александр Винников. Такое чувство страха расползается среди тех, кого в России принято считать этническими меньшинствами. Всего за четыре дня до убийства Гиренко группа неонацистов в Саратове, что примерно в 1400 километрах к югу от Санкт-Петербурга, убила прохожего-азербайджанца. В мае, по сведениям правозащитников, неонацистская группировка насмерть забила в Ульяновске, расположенном в 350 километрах на северо-восток от Саратова, студента из Пакистана. По сведениям московской ежедневной газеты «Известия», за последние семь лет неонацисты совершили нападения как минимум на 15 тысяч человек. В недавно опубликованном отчете Московского бюро по защите прав человека говорится, что в год в результате таких нападений погибает от 20 до 30 человек, причём их количество растёт со скоростью в 30 процентов ежегодно.

Алексей же говорит, что убийство Гиренко — это поворотная точка для российского движения неонацистов.

— [Мы —] «Аль-Каида» белых людей, — говорит он, — нам неважно, сколько людей [из национальных меньшинств] умрёт. Чем больше, тем лучше. Пришло время нашего джихада.

С 2001 года, по словам Алексея, «Шульц-88» и другие неонацистские группировки организовывались в ячейки по типу тех, что делала «Аль-Каида», которые соединяются вместе, совершают нападение, а затем растворяются снова. Кроме «Шульца-88» в стране действуют ещё порядка 50 неонацистских группировок. Семнадцать из них обосновались в Санкт-Петербурге.

— В результате прямого воздействия [группы «Шульц-88»] несколько сот людей было отправлено в больницу, — говорит Алексей, развалившись с двумя другими членами «Шульца» на скамейке на красивейшей петербургской Площади искусств. Члены различных неонацистских группировок общаются друг с другом «через интернет и другими способами, как у нас в стране, так и за рубежом», говорит он, инстинктивно сжимая и разжимая кулаки.

Бросив взгляд на бронзовую статую Александра Пушкина, Алексей презрительно кривит рот и, брызжа слюной, ругает отца современной русской литературы, ведущего свое происхождение от абиссинского раба. «Ну как он может быть русским национальным поэтом?» — восклицает он. Не то чтобы Алексея так уж сильно волнуют вопросы культуры.

Прожив «жизнь, полную притеснений», он говорит, что теперь готов к войне. По профессии токарь, он преклоняется перед Тимоти Маквеем (Timothy McVeigh), который в 1995 году убил в Оклахоме 168 человек, за что был казнен смертельной инъекцией в 2001 году, и лидером американской националистической группировки «Орден» Робертом Джейм Мэтьюзом (Robert Jay Mathews), убитым в перестрелке с полицией в декабре 1984 года. «Мы не считаем себя русскими», — заявляет он, — «мы принадлежим к белой расе!»

По словам Вячеслава Сухачева, профессора социологии Санкт-Петербургского университета и эксперта по нацизму, этот вид расизма проникает во всё общество в целом, и данные опросов общественного мнения подтверждают это. Опрос, проведённый Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), результаты которого были опубликованы в прошлом месяце, показал, что 61 процент опрошенных поддержали лозунг «Россия для русских», что почти вдвое больше аналогичного показателя за 1998 год — тогда таких был 31 процент.

По данным исследования, проведённого в марте независимым аналитическим институтом «Фонд «Экспертиза», 60 процентов опрошенных хотели бы сократить присутствие в стране людей с Кавказа (среди прочих, это чеченцы, дагестанцы, армяне и азербайджанцы). Более того, 51 процент людей сказали, что хотят того же в отношении китайцев, а 42 процента выразили желание «прижать» евреев.

— Ползучий национализм мягко проникает в Россию, — говорит Сухачев, — то, что

происходит — совершенно беспрецедентно.

Более мягкие формы расизма уже давно стали одним из постоянных номеров на российской политической арене.

Либерально-демократическая партия, возглавляемая националистом Владимиром Жириновским, так же как и новая партия «Родина» и некоторые элементы в Коммунистической партии, открыто играют на элементах национализма. Люди Кавказа «должны совершенно отделиться от нас и никогда не появляться здесь!», сказал недавно Жириновский корреспонденту армянской газеты «Новое время». Националистические партии на последних парламентских выборах, по данным Московского бюро по защите прав человека, поддержали около 35 процентов избирателей.

Лидер петербургской неонацистской «Партии свободы» Юрий Беляев спит и видит, как бы стать частью политического мейнстрима. Бывший офицер милиции общается наигранно дружелюбно, поддерживает президента Владимира Путина и считает, что некоторые цели у них с президентом одинаковые. «Он за то, чтобы убрать все [этнические меньшинства] и за сильную Россию», — говорит он, — «как и мы». Осенью 1999 года Путин обещал «замочить всех террористов на унитазах» («в сортире» — пер.) после того, как ответственность за серию взрывов многоквартирных домов в Москве и других российских городах была возложена на чеченских сепаратистов. Под влиянием националистической пропаганды и плохих новостей с войны в Чечне, в которой за последние 10 лет погибло более 10 тысяч российских солдат, многие русские обвинили в содеянном всех кавказцев без разбора.

Хотя Путин в своей речи говорил о «террористах» и после неоднократно заявлял, что любые проявления расизма он считает «абсолютно неприемлемыми», некоторые по ошибке приняли его выступление за знак того, что «цветным» национальным меньшинствам больше не место в России. Его слова многие расценили как «придание законной силы тому, что уже долгое время накапливалось в массовом сознании», как считает Ольга Старовойтова из петербургского Института социологии.

Сейчас Беляев говорит, что Путин — недостаточно жесткий лидер, и страна расползается под напором «цветных» иммигрантов. Он говорит, что, если Кремль формально не признает неонацистов и не пустит их к власти, то движение будет

вынуждено «создать нашу версию «Шинн Фейна» для переговоров с правительством и нашу версию ИРА для практического террора» (партия «Шинн Фейн» — политическое крыло террористической группировки «Ирландская республиканская армия», борющейся с Великобританией за присоединение шести северных графств Ольстера (Северной Ирландии) к Ирландской республике — пер.).

Господин Беляев именно себя видит защитником интересов русских. Он хочет участвовать в политическом процессе, однако при этом не гнушается прибегать к насилию «как к единственному средству самообороны, оставленному русской молодежи». Он хвастает тем, что один из членов «Партии свободы» пару месяцев назад столкнул под поезд метро в Санкт-Петербурге сирийского студента. Студент погиб. При всем этом стремление Беляева протиснуться в политику приводит к тому, что другие, более радикальные неонацисты обвиняют его в излишней слабости.

Алекс, член недавно созданного «Национал-социалистического общества», заявляющего, что оно собирается построить «единое российское государство», говорит, что старые нацистские лидеры — «неудачники, и они уберутся с дороги». По его словам, успех принесут систематические нападения на неугодных, совершаемые сетями, состоящими из автономных ячеек, и использование генетики для достижения расовой чистоты. Алекс — аспирант в одном из лучших университетов Москвы. Он говорит, что его коллеги скоро займут высокое положение в бизнесе, политике и средствах массовой информации.

— Мы больше продвинемся, если убедим людей принять наши идеологические постулаты, чем если просто будем проливать кровь на улицах. Потом мы их всех всё равно уложим в печи.

По словам одного из самых ярых проповедников русского национализма Петра Хомякова, подобные идеи активно распространяются в среде образованных молодых людей, похожих на Алекса.

— Я годами наблюдаю за этими ребятами, — говорит он, — они встречаются на занятиях и семинарах, и у них внутри как бы встроенная система «свой-чужой». Он опасается, что и правительство, и устоявшиеся неонацистские лидеры потеряют контроль над этой группой простых людей. «Никто не знает, что за каша там заваривается», — считает он.

Ольга Старовойтова также согласна с тем, что неонацистские взгляды постепенно проникают в политическую реальность. По её словам, ещё несколько лет назад неонацисты не решились бы открыто делать себе рекламу на убийстве такого учёного, как Гиренко. Сейчас они идут на это без колебаний.

Неонацизм — как радиация, говорит профессор Сухачев. «Её не видно, но она есть, и она убивает. Вот она уже убила Гиренко».

Она будет убивать снова и снова, если русских не разбудит этот тревожный сигнал.

Юрий Зарахович «Time Europe» (США). 04.08.04 г.